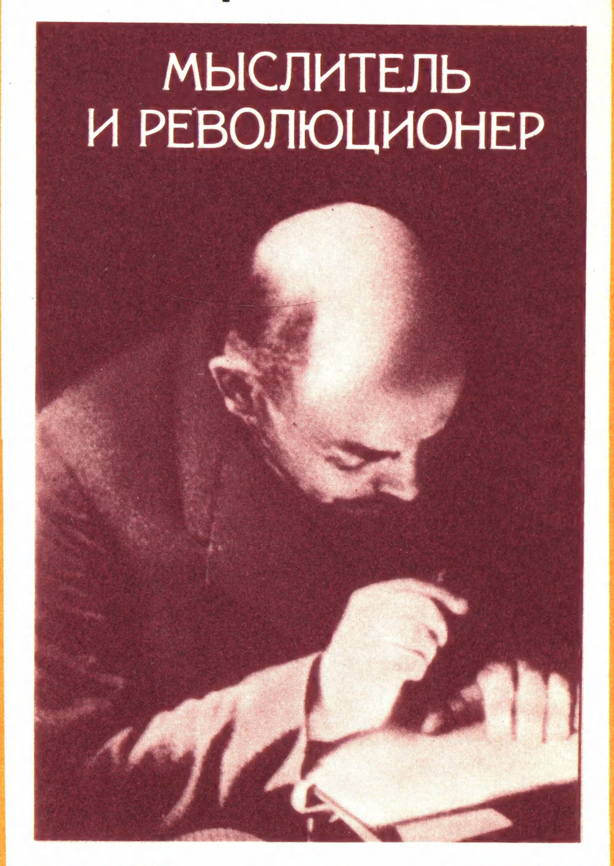
Г.М.Кржижановский

МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Политиздат

Г.М.Кржижановский

МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Издание пятое

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

13.5
К81

Кржижановский Глеб Максимилианович.
К81 Мыслитель и революционер.— 5-е изд.— М.: Политиздат, 1985.— 32 с.

Г. М. Кржижановский (1872—1959) — один из виднейших деятелей Коммунистической партии, друг В. И. Ленина. После Октябрьской революции он работал над восстановлением энергохозяйства Москвы, в 1920 году возглавлял по поручению Ленина Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО), в 1921—1930 годах — председатель Госплана. В своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский рассказывает о том, с каким вниманием и заботой относился Владимир Ильич к вопросам народного хозяйства, его планированию.

К $\frac{0103020000-023}{079(02)-85}$ 78—85 13.5 3К26.3

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *О. В. Лукоянова*

ИБ № 4873

Сдано в набор 18.07.84. Подписано в печать 15.12.84. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,75. Уч.-изд. л. 1,34. Тираж 250 тыс. экз. Заказ № 4704. Цена 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Мое знакомство с Владимиром Ильичем имеет тридцатилетнюю давность, и поэтому понятно, что мне приходилось встречаться с ним по разным вопросам. Но, вероятно, я не ошибусь, если скажу, что за последнее пятилетие наши встречи имели определенно технический уклон. Говоря другими словами, он прежде всего видел во мне техника и притом такого техника, с которым ему интересно было поговорить на занимавшие его темы. Я не говорю уже о тех записочках и обращениях ко мне, которые были конкретно связаны с тем или иным изобретением или с судьбой того или иного изобретателя. В настоящее время[1] многочисленными свидетельствами установлено, как необычайно велик был круг тех лиц, о персональной судьбе которых истинно по-товарищески заботился Владимир Ильич. В разряде этих лиц не малую часть составляют такие люди, которые и лично, и по партийной линии ничего общего с Владимиром Ильичем не имели, но интересовали его исключительно как проводники той или иной полезной технической идеи. В особенности, если эта идея при своем удачном осуществлении могла оказать толкающее вперед, революционизирующее влияние.

В немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич для простой дружеской беседы со мной, я знал, что не было лучшего средства отвлечь Владимира Ильича от тяжелых забот, как беседа о новостях науки и в особенности об очередных завоеваниях техники. А в разряде этих завое-

[1] Воспоминания написаны в 1956 году. *Ред.*

ваний его, конечно, прежде всего интересовали те, которые могли найти непосредственное приложение у нас в России. Ведь в существе Владимира Ильича в необычайном единстве сливался глубокий мыслитель с активнейшим революционером. А это последнее начало непрерывно толкало его к действию до конца и к сокрушению всяческих препятствий, раз таковые стояли на путях какой-либо правильной идеи. Самый же процесс борьбы был как раз той стихией, в которой он себя особенно хорошо чувствовал. Он мог легко перевести какой-нибудь момент, казалось бы, отвлеченного разговора в гущу самой стремительной практики. Тем более, что по нашим объективным условиям мы нуждались и нуждаемся именно в такой стремительной практике.

Октябрьская революция поставила работников Советской России на хозяйственном фронте в положение подлинных пионеров. Громадная страна еще только-только была разбужена революцией от векового сна. Мы знали в буквальном смысле еще только азбуку в области познания наших природных ресурсов. В лице Владимира Ильича мы имели человека, превосходно отдававшего себе во всем этом самый полный отчет и, как никто, обладавшего таким авторитетом для решительного перехода от правильной теории к нужной практике, который как нельзя лучше мог сократить муки родов новой, Советской России. Когда теперь с сугубым вниманием просматриваешь переписку с ним и перебираешь странички своих воспоминаний, то еще и еще раз становится ясно, с каким громадным опережением, истинным опережением гения, работал этот человек, каким необыкновенным чутьем истины и надлежащей пропорциональности частей искомого целого он обладал и как часто в том, что казалось его ошибкой, повинен был не он, а исключительно мы, его сотрудники.

Быстрота, с которой разбирался Владимир Ильич в весьма сложных технических вопросах, давала мне право подшучивать над ним, утверждая, что все мы много теряем оттого, что судьбе угодно было посвятить его студенческие годы изучению юриспруденции, а не техники. Но не только этот быстрый охват технической сущности, а прежде всего и более всего активность натуры Владимира Ильича, его непрестанная готовность к борьбе и к сокрушению такого рода препятствий, перед которыми дрогнули бы не одни только малодушные, — вот что делало таким неоценимым его сотрудничество для нас, техников, связывавших так много надежд с технической реорганизацией страны. Если же верно то, что истинный техник — это прежде всего непрестанный борец, то несомненно, что во Владимире Ильиче таились громадные возможности и для технического творчества.

Тяжкий голодный год, зловещий 1921 год, думается мне, был той последней каплей в чаше испытаний, выпавших на долю Владимира Ильича, которая переполнила ее так, что вконец подорвала его силы.

Состояние здоровья Владимира Ильича весной 1922 года, мучительнейшая бессонница, которая уже и тогда отравляла его существование, были таковы, что приходилось серьезно думать о необходимости длительного отпуска и самого серьезного климатического лечения. Программа была намечена правильная, но, к нашему великому горю, мы не успели ее выполнить. Болезнь пошла вперед форсированным темпом и опередила нас. Однако накануне предполагавшегося отъезда, 6 апреля 1922 года, Владимир Ильич мне писал:

«Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже* —

1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?

Если сие соображение не кажется Вам излишним, напишите о нем Мартенсу (и мне 2 слова).

Мартенс хочет ехать туда недели через 3...

Дело это надо вести *сугубо* энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет»[1].

Вот передо мной другой характерный документ. Известный изобретатель гидроторфа Р. Э. Классон, который был знаком с Владимиром Ильичем еще в 90-х годах, пишет во Внешторг с копией в Главторф на целых семи листах обширное письмо. В нем он жалуется на ряд тормозов, стоящих на пути осуществления его планов. Классон описывает свою заграничную поездку и те новинки в технике торфодобычи, которые он наблюдал в Германии. В частности, он сообщает о прессах системы «Мадрук», которыми можно получать механическое отжатие торфяного сырца до 60% влажности. Это письмо попало ко мне от Владимира Ильича, и нужно видеть, как он испещрил все его семь страниц самыми разнообразными подчеркиваниями одной и двойной чертой, заметками на полях, восклицательными и вопросительными знаками. Вероятно, и сам Р. Э. Классон не мог ожидать, что каждое слово его письма будет разобрано с таким величайшим вниманием. Пометки показывают, что, в противовес Р. Э. Классону, Владимир Ильич считал цены платежей, предъявленных нам немецкими фирмами, весьма и весьма солидными, но тем не менее он настоял, несмотря на все мои отговорки, на испытании этого способа прессовки торфа

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 227. *Ред.*

у нас под Москвой. Я помню, что он основательно запросил меня, почему 60-процентная влажность может считаться таким крупным шагом вперед и почему Р. Э. Классон может предполагать, что дальнейшая осушка торфа уже сравнительно легка. А ведь это письмо Классона отправлено было из Берлина 23 марта 1921 года, т. е. как раз в самый разгар срыва нашей весенней посевной кампании в этом злосчастном году, в те дни, когда, по показаниям свидетелей, небывалый весенний зной все чаще и чаще заставлял Владимира Ильича с тревогой посматривать на роковое безоблачное небо...

О Владимире Ильиче говорили: «Великий инициатор и вдохновитель государственной электрификации России». В этих словах нет никакого преувеличения. Включение доклада об электрификации России в повестку дня VIII Всероссийского съезда Советов — всецело дело рук Владимира Ильича. В одной из бесед со мной он определенно подчеркнул, что не так-то легко было это провести. В свое время сенсацией были слова Владимира Ильича на этом VIII съезде о том, что работы Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) должны явиться своего рода новой партийной программой. Громом аплодисментов ответил съезд на заявление Владимира Ильича о том, что на последующих съездах доклады инженеров и агрономов, участников строительства Советской России, станут обычным явлением.

Самая мысль об электрификации уже давно созревала в нашей технической среде. Об этом свидетельствуют и рост фактического электроснабжения, и многочисленные доклады на электротехнических всероссийских съездах. Еще в 1912 году был выработан проект сооружения под Москвой крупной районной электрической станции на громадных торфяниках Богородского уезда. В 1915 году мне лично пришлось

выступать на съезде деятелей по торфодобыче и по разработке залежей подмосковного угля со специальным докладом о значении для России сооружения районных станций на торфе. В том же 1915 году вышла чрезвычайно показательная брошюра инженера Э. Бухгейма «К экономическому освобождению России», в которой это освобождение намечалось путем «электрификации ее территории». Здесь, между прочим, мы читаем: «Электрификация России все равно рано или поздно станет неотложной и настоятельной потребностью, необходимой для подъема общего благосостояния и производительности всей страны»...

Можно бы много привести еще примеров, могущих показать и доказать, что еще в довоенное время[1] идеи разнообразных сдвигов нашей экономики, связанных с осуществлением электрификации, давно уже носились в воздухе.

И, однако, не подлежит сомнению, что весь размах электрификации нашей хозяйственной стройки, как неотъемлемая часть единого социалистического хозяйственного плана, что все это идет от Владимира Ильича и идет в резком разрыве и по масштабу и по качеству со всем прошлым доактябрьской электрификации.

Выступая решительно за электрификацию, Владимир Ильич в достаточной степени учитывал отсталость нашей экономики и нашу нищенскую бедность в накопленных капиталах. Все это он видел и вполне реалистически представлял себе уже по одному тому, что его перу принадлежит целый ряд работ, в которых он документирует свое глубокое знакомство с данными нашей русской статистики по самым ее первоисточникам. Но он знал также, что плуг социальной революции впервые пашет именно наши равнины и что

[1] До первой мировой войны. *Ред.*

при наличности этой работы роль техники трудно переоценить.

При всей своей революционной дерзости Владимир Ильич, как никто, прочно, обеими ногами стоял на почве самой реальной действительности и даже, более того — как бы вырастал из самих глубин ее, ибо, как никто другой из современников, он обладал особым даром проникновения в сокровеннейшие мысли и чувства миллионов народных масс. Как будто бы он был с ними в каком-то особом, непосредственном родстве. Это, между прочим, сказывалось в особой простоте и вместе с тем народной сочности самой речи Владимира Ильича, в характере его выражений, при всей его научной мысли.

Мы, техники, знаем превосходно, как важны в нашей работе творческая дерзость и целостная убежденность. Мне думается, что наличность этого рода линий в свою очередь не мало содействовала симпатиям Владимира Ильича к работе техников и к самим техникам. Навсегда запомнился один из вечеров, проведенный нами по приглашению Владимира Ильича в Кремле при демонстрации киноленты, изображающей работу на торфе и сопоставляющей старые способы торфодобычи с методами работы Гидроторфа. И навсегда останутся памятны беседы в этот вечер с Владимиром Ильичем, его расспросы о наших успехах на путях разрешения торфяной проблемы, его веселое оживление и подбадривающие слова...

Торфяной проблеме вообще пришлось сыграть некоторую роль в ознакомлении Владимира Ильича с вопросами электрификации. В декабре 1919 года в одной из бесед с ним я дал ему подробную характеристику возможного значения торфа в нашем топливном балансе и роли торфодобычи

в электроснабжении. Придя домой, через несколько часов я получил от него записку. Он писал:

«Глеб Максимилианыч!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в «Экономическую Жизнь» (и затем брошюркой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати»[1].

И тут же — набросанные рукой Владимира Ильича тезисы статьи.

Статья, удовлетворявшая желанию Владимира Ильича, была мною написана и напечатана в виде фельетона в «Правде».

Во второй половине января 1920 года я послал В. И. Ленину статью о задачах электрификации промышленности и 23 января получил от него такое письмо:

«Глеб Максимилианович!

Статью получил и прочел.

Великолепно.

Нужен *ряд* таких. Тогда пустим брошюркой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом».

Надо 1) примечания *пока* убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10(5?) лет построим *20—30* (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (*примерно* перебрать Россию всю, с *грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 105. *Ред.*

необходимых машин и моделей. Через 10(20?) лет сделаем Россию «электрической».

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до **стольких-то** (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону.

Ваш *Ленин*

23.I.

P.S. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? может быть на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о «государственном плане» сети электрических станций, с картой, или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим» [1].

После этого в течение нескольких недель мной была составлена брошюра «Основные задачи электрификации

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 62—63. *Ред.*

России», и т. Бонч-Бруевичу под нажимом Владимира Ильича пришлось весьма поторапливаться с ее выпуском в свет. Само собой разумеется, что при такой быстроте составления брошюрка эта могла сослужить лишь временную работу агитационной листовки, и, когда Владимир Ильич предложил мне поместить свое предисловие, я не хотел связывать его имени с этой спешной брошюркой и был решительно против этого.

С конца февраля 1920 года начала работать сорганизованная мной Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая самой возможностью своего бытия, конечно, целиком обязана Владимиру Ильичу. Работа этой комиссии с самого начала весьма интересовала Владимира Ильича. Он лично познакомился с некоторыми членами комиссии и при моем посредстве имел точное представление о всех главнейших участках нашей работы. Он очень опасался, чтобы мы в своей работе не замкнулись в узкий круг интересов и лиц, настаивая на таком ведении дела, при котором надлежащим образом пропагандировалась бы самая идея электрификации.

Пусть товарищи припомнят обстановку, в которой мы жили в начале 1920 года, когда у нас еще был военный фронт и когда послевоенная разруха давала себя знать на каждом шагу колоссальными затруднениями при отправлении самых неотложных государственных надобностей. И все это гигантской тяжестью обрушивалось на плечи прежде всего Владимира Ильича, на эти плечи, которые с таким величайшим самопожертвованием готовы были принять на себя любую тяготу, раз дело шло о защите интересов пролетариата.

Неоднократно в зимние вечера этого года он приглашал меня к себе для обсуждения того или другого вопроса по ходу

наших работ и самым внимательным образом выслушивал те сообщения, которые я делал ему по поводу аналогичных работ на Западе. Припомните, как известный английский писатель Уэллс вспоминал свою беседу с Владимиром Ильичем об электрификации России. Этот писатель был убежден, что электрификация приличествует примерно такой стране, как Англия, но по отношению к пустыням России она является прямой фантастикой. Тем не менее он признавал, что убежденность Владимира Ильича поколебала его, и он подумал даже о возможности электрификации России, если за это дело примется Ленин.

Да, во Владимире Ильиче помимо глубокого учета сил науки и техники жила еще глубочайшая, непоколебимая уверенность в могучих силах трудящегося населения России, взбодренных вихрем революции. Сколько раз после таких бесед с Владимиром Ильичем уходил и я сам с новым подъемом сил, с еще более крепкой убежденностью в победоносном исходе нашей борьбы! А когда в конце 1920 года в предисловии к докладу ГОЭЛРО VIII Всероссийскому съезду Советов я писал о крепких руках истинных строителей жизни, перед моим умственным взором проносились не только многомиллионные шеренги рабочих и крестьян, но и дерзостный и стремительный облик их вождя, проникнутого такой исключительной уверенностью в их творческих силах.

Как-то раз в беседе с Владимиром Ильичем я привел ему цифры производства лампочек накаливания, до которого дошли Соединенные Штаты. При сопоставлении со 100-миллионной цифрой населения Штатов выходило, что электрическое освещение становится демократическим. Помню, что мы с Владимиром Ильичем пришли к тому выводу, что

за первым десятком отчаянно трудных начинательных лет мы сможем, при условиях советского строя, взять еще гораздо более решительный темп популяризации завоеваний науки и техники, чем американский. Вся сущность успеха наших начинаний при этом целиком будет обязана единому решающему моменту: нигде в мире нет такой, как у нас, прямой, безоговорочной, нелицемерной связи с широчайшими народными массами при проведении в жизнь любой идеи, связанной с интересами этих масс. А раз это так, то и в экономическом творчестве с неизбежностью должен сказаться тот общий закон, который отмечен К. Марксом и который гласит, что продуктивность того или иного исторического акта прямо пропорциональна наличности охваченных им народных масс. Нет никаких сомнений, что порой наши декретные устремления опережают фактическое строительство, но разве мы не сознательно идем на такое опережение, усматривая в декрете не только сухую формулу закона, но и живое слово пропаганды?

Прошло несколько недель после этого разговора, и я получил от Владимира Ильича нижеследующее характерное для него письмо:

«Мне пришла в голову такая мысль.

Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словом, но и примером.

Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством **каждого** *д о м а* в РСФСР.

Это надолго, ибо ни 20 000 000 (—40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас *д о л г о* не хватит.

Но план все же нужен *тотчас,* хотя бы и на ряд лет. Это во-1-х.

А во-2-х, надо *сокращенный* план выработать тотчас и затем, это в-3-х, — и это самое главное — надо уметь вызвать и *соревнование и самодеятельность м а с с* для того, чтобы они *тотчас* принялись за дело» [1].

Как характерны эти строки для их стремительного автора, для оправдания самого наименования электролампочек в наших сельских просторах «лампочками Ильича»!

Для того, чтобы закончить в 9-месячный срок доклад по электрификации, нашей комиссии пришлось работать с лихорадочной поспешностью. Целые главы этой книги приходилось отправлять почти в буквальном смысле без просмотра, прямо из-под пишущей машинки в типографию. А за плечами стоял необычайно внимательный и критически изощренный первый читатель этого труда: Владимир Ильич потребовал, чтобы один экземпляр корректуры шел по его адресу. Вспоминаю, как я бывал озабочен в эти дни и как волновался, поджидая заветного телефонного вызова. Особенно меня беспокоила глава по аграрному вопросу, величайшим знатоком которого был именно Владимир Ильич, и которая как раз представляла такую трудность для обработки со специальной «энергетической» точки зрения. Но и до сих пор в моей душе радость, когда я вспоминаю его отношение к этому нашему дружному коллективному труду.

Не мало пробелов и недостатков в этой работе. За судьбу этой книги мы не страшились: ведь ее критиком и первым читателем был человек, в зоркости и проницательности глаза которого не сомневались даже и его враги. Она свидетельствует, что один и тот же гениальный ум и та же крепкая рука направляли и руль социальной революции и гигантский

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 39. *Ред.*

трактор новой техники, в своем нераздельном единстве призванные создать новую, светлую, радостную и братскую жизнь.

* * *

Человек нам дорог во всей его многогранности, в особенности если это человек из той редкой породы, которую мы можем назвать типичной для представителей гениальных человеколюбцев.

А ведь именно к этим людям и относился наш такой простой, всегда доступный самому широкому своему окружению, преисполненный самоотверженной любви ко всем «труждающимся и обремененным», наш В. И. Ульянов-Ленин.

Если вы спросите любого из нас, стариков, имевших счастье быть в непосредственном окружении Владимира Ильича, не было ли в нем каких-либо черт, которые могли бы быть изменены к лучшему, мы все ответим вам единодушно: вот уж когда всякое «лучшее» было бы врагом подлинно хорошего...

Небольшого общения с ним уже было достаточно, чтобы почувствовать, что от него так и веет особо подбадривающей силой и энергией борца страстного, находчивого, удачливого и высокоэрудированного. Его большой природный здравый смысл как-то по-особенному, по-ильичевски обрамлялся всесторонней тонкой одаренностью, исключительной «суммой разумения».

Известно, что венгерский маэстро Лист советовал русскому композитору А. П. Бородину прежде всего помнить, что люди больших дел не боялись быть самими собой.

Вот эта яркая выявленность подлинной, никогда ничем

не прикрашиваемой личности сразу бросалась в глаза при встрече с Владимиром Ильичем, и дальнейшее знакомство с ним только подкрепляло в вашем сознании эту его черту.

Идет ли он на ответственное заседание ЦК или СНК, собирается ли выступить перед многолюдным собранием рабочих в каком-нибудь обширном заводском цехе (а это были для него особо волнующие выступления), готовится ли он к выступлению в Большом театре, ожидает ли он у себя на дому, в этих заветных кремлевских комнатках, того или иного посетителя,— перед нами один и тот же Владимир Ильич, по-особому собранный и по-особому вооруженный для борьбы со всем тем, что мешает людям жить по-человечески, такой простой и такой неотразимый по ясной убедительности того, что он скажет.

А скажет он лишь то, что считает особо нужным этим ожидающим его людям, что соответствует ведущей правде жизни, скажет напрямик, не считаясь с тем, что, быть может, многим из его слушателей будет не по себе, когда они заглянут этой правде в глаза.

Якобинец Робеспьер, как известно, весьма заботился о том, чтобы и самый костюм его был запечатляем в глазах массы как нечто присущее только ему, Робеспьеру.

Карл Маркс случайно застиг явившегося к нему впервые Луи Блана за прихорашиванием перед зеркалом в передней. Это сразу принизило Луи Блана в глазах Маркса.

Ничего подобного не могло случиться с Владимиром Ильичем. Костюм его был всегда весьма прост, обычен, без малейшего оттенка какой-либо претенциозности.

Встречу с этим человеком я считаю самым счастливым событием в моей жизни; революционную деятельность Вла-

димира Ильича — величайшим счастьем для нашей Родины; то обстоятельство, что в эту великую и вместе с тем критическую эпоху, которую переживает в наши дни все человечество, Ленин является в глазах все новых и новых миллионов людей их светлым гением,— наиболее многообещающим фактором несокрушимого прогресса человечества.

И нельзя дать лучшего совета людям, чем совет почаще заглядывать в творения Ленина, изучать то неизмеримое богатство, которое он оставил людям в своих трудах, в примере своей жизни.

Как метко писал А. М. Горький, когда утверждал:

«Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда». И далее: «Обаятелен был его смех,— «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек».

Помню, как однажды я и один из тогдашних наркомов, с которым я был в непрестанном антагонизме, ворвались в кабинет к Владимиру Ильичу, находившийся рядом с залом заседаний СНК,— свое председательство на этот раз он передал кому-то другому,— ворвались с градом обвинений друг друга. Владимир Ильич пытался прислушаться к нам, но вскоре мы заметили, как лицо его покраснело, глаза весело заискрились, и он разразился своим задушевным смехом, смехом до слез, бросая по нашему адресу:

— Нет, вы посмотрите на них: они воображают, что я хоть что-либо могу понять из того потока слов, который они обрушивают на меня!..

И яростным противникам ничего не оставалось, как только присоединиться к его смеху над ними.

Да, воистину, это был человек-магнит!

Если мы скажем, что Владимир Ильич всегда стремился окружить себя людьми большого таланта и волевой энергии, то этого будет мало. Он положительно готов был «ухаживать» за такими людьми, радовался их успехам, прощал им порой многие «слабости», которые, казалось бы, не могли ускользнуть от его зоркого взгляда.

И когда кто-либо в его присутствии распространялся об «отрицательных качествах» того или иного товарища, он резко прерывал всякую обывательщину в этом направлении:

— Вы мне расскажите-ка лучше, какова линия его политического поведения.

И одновременно, какая тонкая всесторонняя заботливость о своевременной помощи товарищу, сколько документов исключительной теплоты этого великого сердца хранит музей его имени!

Писал и читал Владимир Ильич с необычайной быстротой и тоже со своими милыми, ленинскими особенностями.

Писал без помарок, четко, красивым, «бисерным» почерком. Любил подчеркивать то, что ему казалось особо существенным (особенно в записках частного характера): подчеркнет одной, а то и двойной чертой... Это частенько предупреждение — дружеское, но четкое: не поскользнитесь на этом месте!

Его чтение тоже носило особый характер: живые, искрометные глаза быстро неслись по страницам книги или рукописи; эти глаза были действительно «всевидящими»: от них ничего не ускользало.

Если в моем присутствии Владимир Ильич брал в руки

какую-либо новую книгу, я невольно улыбался... По опыту знал: на ловца и зверь бежит; знал, что горе всякому лукавству мысли автора, всякому рабьему приспособленчеству.

Если книга была его собственной, ильичевской принадлежностью, он не стеснялся делать краткие карандашные пометки, метко бившие в цель.

Подчеркнет и поставит два знака вопроса: будьте уверены, что автор пойман с поличным. Напишет сбоку выразительное, ильичевское «гм, гм» — это значит, что сто́ит здесь копнуть — и автор будет выведен на свежую воду...

Пламенная натура Владимира Ильича сказывалась и в быстроте и слаженности его движений, в остро-насмешливом взгляде чудесных глаз, в некоторой обычной для него естественной «приподнятости» всего его существа, в особой остроте восприятия всего окружающего...

Как-то в последние годы его работы спрашиваю Владимира Ильича:

— Почему Вы не попробуете развлечься хоть немного хорошей музыкой, Владимир Ильич?

— Не могу, Глеб Максимилианович: она слишком сильно на меня действует.

И чувствовалось, что этот человек, имевший такую власть над окружающими, еще бо́льшую власть имеет над собой.

Такой «воспитанности» Владимир Ильич был, конечно, обязан и воздействию своей исключительной по-дружески сплоченной и одаренной семьи, и той боевой закалке исключительных событий, в водоворот которых он был ввергнут революционными судьбами нашей Родины, но прежде всего и больше всего он был обязан самому себе, той железной, волевой дисциплине, которая была присуща Владимиру Ильи-

чу с юных лет и которую он сохранил до конца своих дней. Он мог быть требователен по отношению к другим, потому что безгранично требователен был к самому себе.

Владимира Ильича можно было легко рассердить расплывчатой характеристикой какого-нибудь человека в качестве вообще «хорошего» человека. «При чем тут «хороший»,— аргументировал он.— Лучше скажите-ка, какова политическая линия его поведения...»

Владимир Ильич был партийным товарищем в лучшем смысле этого слова и в этом отношении не знал себе равного. При его жизни мы все чувствовали, что его дружеский зоркий глаз неустанно следит за нами, и с великой деликатностью и готовностью он спешил навстречу, если только убеждался в том, что товарищи находятся в затруднительном положении. В тесном дружеском кругу Владимир Ильич немедленно становился душою всего общества. Именно около него слышались самые страстные речи и наиболее веселый смех. Он был чрезвычайно осведомлен о личных особенностях каждого товарища и удивительно умел подходить к человеку именно сообразно с его особенностями. Лишь одного Владимир Ильич не терпел, как не терпел и Маркс,— фальши, позировки, фразистости.

На службе величайшей в мире революции он сжег все свои силы, он спалил напряженными думами свой гениальный мозг. Незадолго до своего последнего смертельного заболевания, едва оправившись от предыдущего болезненного припадка, он как-то говорил мне со смущенной улыбкой: «Да, мне кажется, что я брал на себя слишком большую нагрузку...» Он говорил это в вопросительном тоне. Умирая, он еще сомневался в том, достаточна ли его ставка, ставка самой жизни.

В. И. ЛЕНИН И ПЛАНОВАЯ РАБОТА [1]

С ростом нашей социалистической стройки значение плановой работы становится все более и более очевидным. Но, чтобы яснее отдать себе отчет в очередных проблемах нашего планового строительства, в его «типе», не мешает ближе познакомиться с заданиями Госплану, дававшимися В. И. Лениным...

Отношение Владимира Ильича к проекту Государственного плана электрификации РСФСР (ГОЭЛРО) документировано в его известном выступлении на VIII Всероссийском съезде Советов и в целом ряде его заметок. Одно время он предполагал даже, что ГОЭЛРО можно непосредственно превратить в постоянную плановую комиссию при Совнаркоме. В письме ко мне от 6 ноября 1920 года Ленин пишет: «...чего стоят все «планы» (и все «плановые комиссии» и «плановые программы») *без плана электрификации?* Ничего не стоят.

Собственно говоря, ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при СНК...» [2]

В этих строках Владимир Ильич наглядно показывает, какое большое значение он придавал плану электрификации во всей нашей плановой работе и как ясно для него уже в то время обрисовывалась необходимость связать работу наших высших государственных органов со стройной системой плановых органов.

Спешная работа по подготовке доклада ГОЭЛРО к VIII Всероссийскому съезду Советов, естественно, отвлекала меня

---

[1] Печатается с сокращениями. *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 1. *Ред.*

от организационных вопросов, и к ним мы с Владимиром Ильичем вернулись лишь во время моего отдыха в феврале 1921 года в Архангельском, под Москвой. Там как-то Владимир Ильич навестил меня, и во время этого посещения мы с ним сговорились о приблизительном составе будущей Государственной общеплановой комиссии и о ее основных функциях. Сохранилось относящееся к этому периоду письмо В. И. Ленина, в котором он, между прочим, пишет (письмо относится к 25 февраля 1921 года):

«...Вам надо создать в *Общеплановой* комиссии *архитвердый* президиум... чтобы организаторы и твердые... люди *помогали* Вам и *сняли с Вас* работу *административную*... Вы должны быть «душой» дела и руководителем *идейным* (в особенности отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать спецов)... Ваша задача выловить, выделить, *приставить к работе* способных организаторов, администраторов... дать *Центральному Комитету РКП возможность, данные, материал для оценки их»* [1]. NB

Открывая 5 апреля 1921 года торжественное заседание впервые официально утвержденного президиума Госплана, я подробно остановился на связи работ Госплана с работами ГОЭЛРО. Стенограмму этой речи я послал Владимиру Ильичу и немедленно получил от него указания весьма решительного характера:

«Г. М.!

Возвращаю Вашу речь.

Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о *текущих* хозяйственных планах.

Не на том сделано главное ударение, на чем надо.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 81. *Ред.*

Когда я имел перед собой коммунистических «вумников», кои, не читав книги «План электрификации» и не поняв ее значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может.

Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал *носом* тыкать их *не* в эту книгу, а *от нее* — в вопросы *текущих* хозяйственных планов.

Займитесь ими теперь, господа профессора! Ваша электрификация in allen Ehren![1] Ему же честь, честь. Написали 1-ое издание. Подправим, выпустим 2-ое. Спецы такой-то подкомиссии напишут дюжину декретов и постановлений о преподавании электричества и плана электрификации и т. п. Мы это утвердим.

А общеплановая комиссия государства *не* этим сейчас должна заняться, а немедленно изо всех сил взяться за *текущие* хозяйственные планы.

Топливо *сегодня*. На 1921 год. Сейчас, весной.

Сбор хлама, отбросов, мертвых материалов. Использование их *для* обмена на хлеб.

и тому подобное.

В это надо ткнуть *«их»* носом. За это их засадить.
Сейчас. Сегодня.

1—2 подкомиссии на электрификацию.
9—8 подкомиссий на текущие хозяйственные планы.
Вот как распределить силы на 1921 год.

Ваш *Ленин*»[2].

---

[1] — в полном почете! *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 128—129. *Ред.*

Оглядываясь назад на этот трудный период начинаний, связанный к тому же с обстоятельствами разрухи, мы теперь ясно видим, какой восходящий путь мы прошли за это время.

Весна 1921 года была наиболее зловещей из всех, какие пришлось переживать Советской России. Нарастающий темп засухи уже явно наметился в апреле и мае. Весенний сев оказался в значительной степени сорванным. Топливный кризис принял небывало острые формы, чем в свою очередь предрешался срыв металлургии, только что начинавшей выходить из состояния полнейшего развала. А впереди ожидали голодовки небывалых размеров. Как раз в это время больших забот Владимиру Ильичу приходилось обдумывать метод действия Госплана. 12 апреля он пишет мне:

«Вопрос об основных чертах государственного плана не как учреждения, а как *плана* стоит неотложно».

В письме он дает задание представить ему «краткие итоги: 3 цифры (дрова, уголь, нефть)» и план на 22-й год. Не удовольствовавшись этим письмом, он на следующий день пишет новое письмо, в котором спрашивает, ясно ли задание, и предлагает «рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы *во что бы то ни стало* победить самую острую нужду...» [1]

Эти письма Владимира Ильича достаточно иллюстрируют то положение, в силу которого Госплану на первых порах с такой лихорадочностью пришлось заниматься вопросами топливного плана и плана продовольственного наряду с вопросами чисто организационного характера, вроде организации Главтопа и контрольного аппарата по движению продовольственных грузов.

Трудные это были времена. Но какое счастье вместе с тем

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 141, 142, 143. *Ред.*

было идти рука об руку с таким руководителем, каким был Владимир Ильич, и иметь возможность в трудные минуты прибегать к его мудрому совету! А мысль его неустанно работала по всем основным линиям наших хозяйственных и политических нужд, несла в состоянии великого напряжения свою незаменимую вахту.

Наиболее поразительной особенностью Владимира Ильича было его удивительное уменье работать в подлинном неотрыве от «самонастоящей» действительности. Отсюда его величайшая неприязнь к учености в кавычках, к беспочвенному академизму, ко всякого рода пустым интеллигентским рассуждениям. Подходя к любому интересовавшему его вопросу, он, что называется, брал быка за рога и беспощадно совлекал все и всяческие маски для выяснения подлинных черт той действительности, для подъема которой неустанно работала его творческая мысль.

Можно себе представить, как негодовал он, натыкаясь почти на каждом шагу на те гигантские мусорные кучи, которые продолжали выпадать на нашу долю, или, вернее, на нашу дорогу, в качестве отбросов из векового нашего прошлого. В этом смысле наша хозяйственная работа, работа, направленная на подлинное оздоровление отношений между людьми, на первых порах, да и в течение длинного ряда лет, должна была носить поистине воинственный характер борьбы с многочисленными противоборствующими течениями. Образец необходимой отваги и боевой энергии при самых трудных обстоятельствах и на этом фронте нам давался тем же неутомимым Владимиром Ильичем.

4 июля 1921 года он пишет мне письмо, носящее заголовок: «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства».

«Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчи-

тывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать.

Рассчитать на худшее. Опыт уже есть хоть малый, но практический».

В этом знаменательном письме Владимир Ильич, размышляя на тему о плановой работе, дает, по существу, конспект планового расчета на реальной почве. Этот расчет он предлагает *«провести архибыстро»*, «засадить 70% членов Госплана за работу по *14 часов в сутки* (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать)».

Ленин требует, чтобы работники Госплана следили за отдельными крупными предприятиями, по 30 предприятий на каждого.

«Потрудитесь,— пишет он,— *за 30-ью* следить *неослабно.* Вы отвечаете за это...

Следить неослабно, это значит *отвечать* головой за рациональное употребление топлива и хлеба, за максимум заготовки того и другого, максимум подвоза, экономию топлива (и в промышленности и ж. д. и т. д.)...»

Характерно, что все свои задания Ленин облекает не в форму неукоснительной директивы, а как бы дает предложения, которые советует обдумать, обсудить. Цитируемое выше письмо кончается знаменательной, по-ленински скромной фразой:

«Вот мои мысли о Госплане.

Подумайте. Поговорим. *Ленин»* [1].

Письмо это дышит тревогой голодного времени. Оно вместе с тем как нельзя лучше иллюстрирует значение прямо-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 63—65. *Ред.*

го планирования и того оружия, каким являлся Госплан в борьбе с самыми острыми обстоятельствами разрухи. Владимир Ильич требовал прежде всего прямого подхода к конкретным фактам и отношениям, настаивая на том, чтобы работники революции не носились в эмпиреях, а неустанно, камень за камнем строили здание нашего будущего, добивались необходимых сдвигов, не останавливаясь ни перед какой черновой и мелкой, на первый взгляд, работой.

Он чувствовал, что в борьбе за реалистичность строительства, за необходимые сдвиги те цифры и факты, кои имеются в распоряжении высших государственных органов, являются производными весьма относительного значения, нуждающимися в свою очередь в решительной проверке и переоценке.

Необходимое знакомство с первоисточниками он искал в непосредственном подходе к решающим опорам нашего хозяйственного здания: к фабрикам и заводам,— отсюда вышеприведенные строки,— и к низам государственного механизма,— отсюда его упорная работа по составлению наказа для наших экономических совещаний.

Он хотел такого детального ознакомления с подлинной действительностью, что возникла уже трудность другого порядка: трудность поисков надлежащих исполнителей этих запросов. В Госплане мы все время старались подбирать работников с достаточным практическим стажем. Если такой стаж совпадал с профессорским званием, то, конечно, для плановой работы от этого получался только значительный выигрыш.

Владимир Ильич придавал решающее значение работе в Госплане именно специалистов и неоднократно выступал в печати против того «спецеедства», которое, вероятно, является почти неизбежным спутником массовых схваток

пролетариата с его противниками в периоды борьбы за достижение первоначальных положительных хозяйственных успехов.

Отдавая себе ясный отчет в неизбежных дефектах работы специалистов, находящихся еще в стадии перехода на нашу сторону,— недаром Ф. Энгельс людей этого порядка называл «кислым творогом»,— Владимир Ильич тем не менее в любой момент готов был выступить в защиту работников Госплана, когда работа их подвергалась несправедливым нападкам.

Острота обстановки 1921 года, явная недостаточность фактических материалов для плановых работ широкого масштаба и, наконец, отсутствие минимальных резервов для маневрирования в целях поддержки того или иного производственного уровня — все это, как мы видели выше, внушало В. И. Ленину мысль о необходимости предупреждать и еще раз предупреждать работников Госплана относительно опасностей переоценки своих собственных сил и средств, бюрократических утопий, бюрократизации плана. В плановой работе он видел прежде всего элемент борьбы за самое осуществление плана, отвоевание шаг за шагом еще той почвы, на которой предстоит в будущем вполне целевая, прочно охватывающая далекие горизонты хозяйственная работа. В одном из писем ко мне он, между прочим, пишет:

«Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства.

Это опасность великая...

Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, *и Вы не видите ее...*

Целый, цельный, настоящий план для нас теперь = «бюрократическая утопия».

Не гоняйтесь за ней.

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* **важнейшее,** минимум предприятий и **их поставить.**

Поговорим об этом лично до Вашего доклада. *Подумайте»* [1].

Мне неоднократно приходилось встречать у товарищей, всецело поглощенных какой-нибудь оперативной хозяйственной деятельностью, такого рода оценку работ Госплана, в которой ясно чувствовалось, что товарищи предполагают при работе в Госплане наличие особо благоприятных обстоятельств, чтобы «предаваться наукам и искусствам». На самом деле нигде так остро не чувствовалась громадная диспропорция между нашими возможностями и нашей действительностью, между теорией и практикой, как именно при обобщающей работе Госплана.

Многим и многим из нас, работавшим в Госплане, в свою очередь чисто оперативная работа представлялась настоящим отдыхом, если принять в соображение то постоянное чувство неудовлетворенности и тягостных недоделок, которые на каждом шагу приходилось испытывать в первоначальной борьбе за плановое хозяйство, по сути дела могущее реализоваться лишь в конечном этапе весьма трудного, весьма сложного подъемного пути. Особенно же мучительна была недостаточность хозяйственных и плановых ресурсов в пору таких тяжких переживаний, какими наполнен был весь 1921 год.

Неоднократно и часами приходилось мне беседовать с Владимиром Ильичем на самые разнообразные темы, связанные с работами Госплана, и вместе с ним проделывать отступления от тех прямых и правильных линий, которые намечались его исключительно прозорливым умом, ибо почва

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 76. *Ред.*

для реализации их требовала добавочной работы такого своеобразного агента, каким является само время.

Вспоминаю, что к концу 1921 года у меня назрела потребность изложить в специальном очерке ту теорию плановой работы, к которой я пришел после работы в ГОЭЛРО и в Госплане в ходе изучения нашей экономической действительности. Для этой цели я составил подробнейший проспект своей книги, которая впоследствии вышла под заголовком «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана)», и направил этот проспект для предварительного просмотра Владимиру Ильичу. Он немедленно ответил мне небольшой, но весьма ободряющей запиской:

«Г. М.! Прочел и *очень, очень* одобряю. *Как можно скорее* готовьте, диктуйте.

Добавление, по-моему, необходимо о новой экономической политике. По-моему, лучше бы это вставить (с разных сторон *освещая* место, значение, *роль в общих рамках* новой экономической политики) в отдельные главы. Почти в каждую главу можно (и должно, по-моему) добавить страничку—другую о том, что новая экономическая политика *не меняет* единого государственного хозяйственного плана и *не выходит* из его рамок, а меняет *подход* к его осуществлению.

Ваше мнение?

Привет! *Ленин*»[1]

В этой работе первоначальное задание Госплану было значительно расширено и деятельность его, как мы видим из приведенной записки, намечалась всерьез и надолго.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 101. *Ред.*

* * *

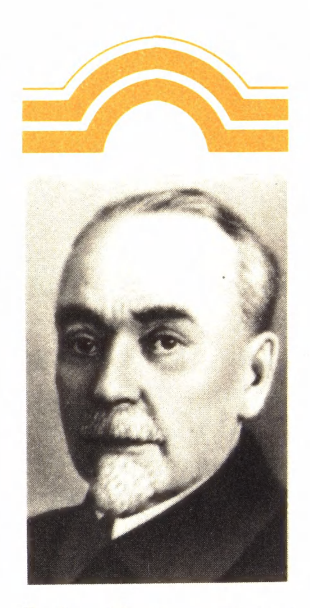
Ленинские указания о необходимости сочетания в наших планах научного подхода с опытом самих трудящихся масс и сегодня служат огромную службу. Для учета опыта масс партия и правительство провели многие и многие совещания с людьми труда — этой решающей силой «социалистического ускорения», как говорил Ленин.

Ленин говорил, что великим достижениям неизменно сопутствуют и великие испытания. Но в процессе этих испытаний невероятно выросли советские люди. Этот рост тесно связан с культурной революцией, идущей от побед великого Октября. А если к этому прибавить, что наше время является и эпохой поистине революционных сдвигов в области науки и техники, то значимость этой культурной революции трудно переоценить.

Интересно подчеркнуть, что уже Маркс предвидел, что наступит такое время, когда мощность технических средств будет такова, что она во много раз перекроет затраты, необходимые для создания этих средств. Нынешние шагающие экскаваторы, землесосы и другие мощные механизмы, которые заменяют труд многих тысяч человек,— наглядное подтверждение предвидения Маркса.

Изменяется у нас и роль человека в процессе общественного труда. Он уже не является простым агентом, который создает меновую стоимость пропорционально затратам необходимой доли своего личного труда, а все больше становится решающим контролером, управляющим сложной техникой. Наука становится действенной производственной силой, все в большей мере определяющей размер и масштабы роста общественного богатства.

10 к. 100

Глеб Максимилианович Кржижановский — один из основателей и виднейших деятелей Коммунистической партии, друг В. И. Ленина. После Октябрьской революции он работал над восстановлением энергохозяйства Москвы, в 1920 г. возглавлял по поручению Ленина Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО), в 1921—1930 гг. был председателем Госплана.

